

Сюй Вэньчуань слегка храпел, намек на доминирующее положение, скрытый в его безразличном поведении: "Таково решение павильона военной разведки"!

"Итак, военный кабинет официально создан? Бай Женьшань не возражал?" Ван Дун выглядел восхищенным не для себя, а для сотен миллионов людей во всей империи Цин Юнь. Создание Военного павильона, несомненно, было большим благословением для его матери.

Хотя Бай Женьшаню оставался жить всего год, но у императора, который намеревался разжечь хаос, было бы достаточно времени, чтобы убить миллионы людей за этот год.

"Полный суд, ни один человек не возражает против этого, даже если и возражает, разве это полезно?"

Сюй Вэньчуань говорил, что ветер легкий и волн нет, но Ван Дунгуань также мог вообразить своим воображением, что суд сегодня будет в смятении! Бай Женьшань не мог сдаться без сопротивления. Бай Женьшань не мог сдаться без сопротивления. Просто дело уже было предпрешено, и Ван Дун не собирался больше задавать вопросов, так что я уверен, что Сюй Вэньчуань тоже не захотел бы сказать больше. В конце концов, это не было желанием его сердца, чтобы до этого дошло.

Ван Юки тоже не была обычной девушкой, хотя и была молода, она уже много лет занималась властью. Хотя она и не знала, что Сюй Вэньчуань имел в виду под Военным павильоном, она могла видеть, что прямо сейчас, вся мощь империи Цинь Юнь уже была Он был сосредоточен в руках Сюй Вэньчуаня.

Естественно, Ван Юци была счастлива это увидеть, и ее лицо было нагромождено улыбками.

"Отец, почему вы так жестоки? Просто Тиан Лонг уже много лет охраняет северную границу и не возвращается, но ты хочешь отправить моего единственного сына на границу, чтобы разлучить нас... ..не так уж и много просишь, не так ли?" Нин Шан вошла в дверь со слезами на глазах.

Нин Шань всегда была очень филигранной и уважительной по отношению к Сюй Вэньчуань, и даже никогда не говорила громко, но теперь она, наконец, не могла ничего с собой поделать и обвинила Сюй Вэньчуань, что показало, как ей грустно в это время.

Для его собственной невестки, сердце Сюй Вэньчуань также действительно имел долю вины, и в это время, будучи обвинен Нин Шань, ему действительно нечего было сказать, его старое лицо было полон стыда.

"Мама, что ты здесь делаешь?" Сюй Вэньчуань был нелегко в общении, и Ваньдун поспешил поприветствовать и поддержать Нин Шань за руку.

"Яотиан, послушай маму, мы не поедem в Божественный Город Грома, мы не станем тем хозяином города, ясно?" Нин Шан сказал Ван Донгу почти умоляюще. В ее глазах сияли слезы, делая Ван Донга таким грустным.

"Мама! Я знаю, что ты беспокоишься обо мне, но в этом нет необходимости, твой сын теперь супер-эксперт в царстве Великого Совершенства, никто не может мне навредить! ." Вандонг взял Нин Шань за руку и прижал ее к стулу, предлагая тонкое облегчение.

"Так не пойдёт! Разве вы не слышали, что в Белой Драконьей Снежной Горе появилось сказочное чудовище. Это сказочное чудовище. Оно должно быть найдено в небе. Насколько

оно могущественно? На случай, если ты столкнешься с этим... Нет, нет, мне страшно просто думать об этом, послушай свою мать, ты не должен уходить". Нин Шань была мягкой и робкой, только мысли о встрече ее сына со сказочным зверем уже заставили ее вырваться в холодный пот, и даже... Он сказал, покачивая головой.

Брови Сюй Вэньчуаня не могли не бороздить, если Нин Шань был полон решимости не позволить Ван Донгу пойти в Божественный Город Грома, то он действительно не мог отказаться. Он уже достаточно задолжал этой невестке.

"Мама, ты все еще помнишь прошлое?" Внешний вид Ван Донга резко изменился, и в его бровях появился слабый намек на грусть, в результате чего сердце Нин Шаня сразу же потянуло за него.

"До?" Нин Шан На задал вопрос.

Вандонг сильно кивнул и сказал: "Точно, до! Раньше я только и делал, что причинял тебе неприятности и пугал.

Кроме того, что я создаю проблемы своему дедушке, я почти бесполезен. На поверхности, куда бы я ни пошёл, я всегда в центре внимания, и все подтягиваются ко мне. Презрение и стыд за меня. Я просто никчёмный жулик, бесполезный ублюдок, который только и умеет, что издеваться над другими..."

"Нет! Йотин, прекрати, прекрати!" Какая мать могла слушать это и оглядываться в прошлое, Нин Шан был таким же плохим.

"Мама! Раньше я этого не понимал, но теперь понимаю. Человек не может жить только для себя! В прошлом я навлек на тебя слишком много стыда, и если я не смогу смыть этот стыд своими руками, остаток моей жизни будет... Жить в жалости к себе - это еще более болезненно, чем смерть".

"Яотианка, мама понимает твои мысли, но... Снежная гора Белого Дракона действительно слишком опасна, мама не может..."

"Мама! Не недооценивай своего сына! Белая Драконья Снежная Гора опасна, но ваш сын не пресс-папье. Я обещаю вам, что буду хорошо заботиться о себе и возвращаться к вам регулярно, и если возможно, Я приведу вас в Божественный Город Грома. Да увидишь ты мощь сына твоего, Властелина Божественного Грома!"

Нин Шан на мгновение всхлипнул, посмотрел на Ван Донга и спросил призрачным голосом: "Правда ли, что ты не пытаешься подбодрить маму?"

Как только я услышала слова Нин Шань, стало очевидно, что она уже ослабила рот, и Ван Донг был в восторге, занят похлопыванием по груди и словами: "Конечно, нет! Самое длинное - год, самое короткое - полгода, я обязательно отвезу свою мать в Город Божественного Грома".

Нин Шан дал ему пустой взгляд и сказал: "Мама говорит не об этом. Мама просит тебя пообещать, что ты позаботишься о себе".

Сердце Ван Донга согрелось, держа руку Нин Шаня и приседая, улыбаясь, с раздражающей улыбкой: "Конечно, мама! Мать не может отпустить моего ребенка, и мой ребенок не может отпустить мать тебя ах."

Мать и сын Ван Донг и Нин Шан были настолько нежны, что не заметили ни малейшего, что Ван Юцзы, которая была на стороне, теперь как будто ее ударила молния, и ее изначально спокойное лицо резко изменилось, не говоря уже о том, что все ее тело дрогнуло.

"Слишком много! Как это может быть так похоже?" Как будто в сердце Ван Юки открылся горшок, и она уже не могла успокоиться.

То, как Ван Донг держал руку Нин Шаня, то, как он присел на корточки перед Нин Шаном, и то, как он смотрел на Нин Шаня, даже слова, которые Ван Донг сказал Нин Шаню, все почти идеально совпали со сценой в сознании Ван Юки.

Только то, что главными героями в сознании Ван Юци были она и Ван Донг.

Это также было разделение, и именно так Ван Донг уговорил ее, и это было точно так же, как сцена на глазах у Ван Юци, как сценарий реконструкции.

Это было совпадение... это должно было быть совпадение... но могло ли это быть таким совпадением... могло ли это быть... но...

Одно из сердец Ван Юки было совершенно не в себе. В ее глазах, Сюй Яотин фигура продолжала дрожать, меняться, и медленно, тот, который стоит перед ней был не Сюй Яотин, но живой, дышащий ... Ван Донг. Звуки и улыбки были настолько реальными, прямо перед его глазами, что Wan Youqi не мог не поверить в это.

"Сядун!" Ван Юки был яростно горяч, звонок, наконец-то, все-таки вышел.

Этот звонок Ван Юци, Сюй Вэньчуань и Нин Шань вызовут ошеломлением, но Ван Донг был яростно шокирован.

Опомнившись, она оглянулась и увидела, что Ван Юци уже в слезах, ее глаза смотрели прямо на Ван Донга, отказываясь двигаться.

Сердце Ван Донга колотилось, Ван Юци узнал его?

Правда? Но как это возможно? Он не был замаскирован, но полностью интегрирован с Сюй Яотин, не говоря уже о том, что Ван Юйци был обычным воином в смертном мире, даже если она и была Дао. Даже великие державы мира Врат не могли его видеть.

Точно так же, как сердце Ван Донга было в панике, Ван Донг в глазах Ван Юци внезапно исчез, вернувшись к появлению Сюй Яотина.

"Не надо!" Ван Юци поспешно протянула руку помощи и схватила, пытаясь оставить Ван Донга, но ее хватка была пуста, и она споткнулась.

"Юки, что с тобой случилось?" Ненормальное поведение Вань Юйци шокировало Сюй Вэньчуань и поспешно открыла рот, чтобы задать вопросы.

Ван Донг полностью исчез с глаз Ван Юци, как будто даже сердце Ван Юци было отнято, оставив ей только пустую боль! Курность с разочарованием. На мгновение, Wan Youqi только чувствовал, как будто весь мир потускнел и стал скучным.

"Ничего... ничего"? Простите, я, наверное, немного устал, я... Я хочу сначала отдохнуть". Wan Youqi бормотал, горе и отчаяние в ее голосе было душераздирающим.

Сюй Вэньчуань поспешил закричать: "Кто-нибудь, идите! Отведите генерала Ван на отдых. Юки ах, эта поездка в Облачный город, вы действительно пережили слишком много вещей, заботиться о своем теле ах".

"Спасибо за заботу вашего принца". Вань Юйци поблагодарил Сюй Вэньчуань, и ее печальные глаза повернулись несколько кругов на теле Вань Дун, прежде чем она медленно шагнула со своим полным печали сердцем. Уходи.

Глядя на спину Вань Юйци, Сюй Вэньчуань вздохнула и пробормотала: "Ей очень тяжело таскать с собой столько всего, несмотря на свой юный возраст. Яо Тинг ах, если у тебя есть шанс в будущем, ты должен помочь ей больше".

После того, как Сюй Вэньчуань закончил говорить, он долго не мог получить ответа от Ван Дона, и несколько странно обратил свой взгляд на Ван Дона, только для того, чтобы увидеть, что все тело Ван Дона, кажется, было Стоя там тупо, как будто его ударили акупунктурной точкой, он не двигал мышцами. С первого взгляда, Сюй Вэньчуань мог сказать с изменением в его лице, что в этот момент, Ван Донг должен быть чрезвычайно неустроен!

И это именно то, что случилось!

Крик Вань Юйци "Xiaodong", и одинокий, горестный взгляд в ее глазах, когда она ушла, был похож на невидимый кнут, который поразил сердце Ван Донга, задушив его от боли.

Это была порка его совести, и как бы больно это ни было, Ван Донг мог только вынести это!

С детства Ван Юйци была матерью Ван Донга и дала ему всю необходимую любовь. Но теперь, прекрасно зная, какую боль испытывает Ван Юйци, он упрямо отказывается говорить правду, отказывается быть с Ван Юйци. Узнав друг друга, он смотрел, как она томится в водовороте боли.

Ван Донг думал, что ему станет легче, если он снова отправит золото и божественных солдат. Слезливый зов Ван Юйци полностью разрушил его самоправедность. Независимо от того, сколько он отдал, как он мог компенсировать чувства, которые Ван Юйци влил в него?

Каким бы драгоценным ни было золотое божественное оружие, оно имеет свою цену, но чувства бесценны! Подумать только, что он использовал такие бесценные вещи, как золотой божественный солдат, чтобы измерить любовь, которую Wan Youqi излил в него, в то время как он все еще был искренним и честным. Тогда Ван Донг хотел дать себе пощечину дважды.

"Ублюдок! Я самый большой засранец в мире!" Вандонг проклял гневно в сердце, и все его прежние заботы внезапно исчезли.

"Йотинг, ты меня слышишь?" Лоб Сюй Вэньчуань бороздил. То, что происходило, сначала это был Ван Юйци, а теперь даже его драгоценный внук был немного странным.....

(Конец главы)